

9 ноября, понедельник

В выходные шел дождь. Временами он сменялся снегом, и Игорь, бросая взгляд за окно, равнодушно жалел бредущих по улице прохожих.

Сегодня уже с утра было ясно. На растущих за окном липах еще оставались листья, желтели на солнце, а большой клен между ними стоял голый, как зимой.

— Как ты? — глядя на мужа с сочувствием и жалостью, спросила Лиля. — Поедешь на работу?

Игорю не требовалось ни сочувствия, ни жалости. Он не так уж страдал от того, что дочери не стало. Не так сильно, как нормальный отец.

— Поеду, — он благодарно тронул руку жены, — не волнуйся.

Дочери не стало десять дней назад. Звонок из полиции застал Игоря на работе, он не сразу понял, что говорит ему мужской голос, а потом, добираясь до незнакомого дома, где было обнаружено тело дочери, удивлялся, что не чувствует ничего, кроме смешанного с недоверием удивления.

И потом, увидев тело дочери, он не завыл от горя, не зарыдал, не схватился за сердце.

— Да, это она, — сказал Игорь. — Это моя дочь. Сазонова Елена Игоревна.

Он ничем не мог помочь полиции.

Он давал дочери деньги и практически ничего о ней не знал.

— Игорь, ты точно в порядке?

Лиля беспокоилась, переживала за него.

Иногда это раздражало, напоминало о том, что она на двадцать лет моложе его, и беспокойство ее словно подчеркивало разницу в возрасте. Конечно, это ему не нравилось. Он до сих пор казался себе молодым.

Теперь он был ей за это благодарен. Сейчас ему хотелось, чтобы за него беспокоились.

Кроме жены, беспокоиться было некому.

— Точно. — Он заставил себя улыбнуться. Протянул руку, потрепал ее по волосам и неожиданно спросил: — Ты меня любишь, Лилечка?

— Очень, — она прижалась щекой к его ладони.

Она не щебетала, как обычно, она сочувствовала ему и не догадывалась, что никакого особого горя он не чувствует, только усталость.

День оказался не только ясным, но и не по календарю теплым. Игорь помедлил перед тем, как сесть в машину. Захотелось пройтись пешком, расстегнуть куртку, подставить грудь под слабый осенний ветер.

Идти пешком до работы было меньше часа, но он сел в машину, поехал привычным маршрутом.

Он уже давно бесцельно не бродил по улицам. По вечерам он спешил к Лиле, а по утрам на работу.

Опаздывать на работу не полагалось. Должность позволяла ему пренебрегать правилами, совесть — нет. Впрочем, пожалуй, не совсем так. Он создал себе имидж честного и справедливого начальника

и втайне этим гордился. Опаздывать было хамством, что его имиджу не соответствовало.

О том, что он забыл сигареты, Игорь вспомнил, уже поставив машину на служебную стоянку. Он с досадой похлопал себя по карманам, словно надеясь, что сигареты чудесным образом там появятся, чертыхнулся сквозь зубы и пошел в расположенный рядом супермаркет.

Курить хотелось сильно. Выйдя из супермаркета, Игорь отошел от входа, остановился у проема между домами и с удовольствием затянулся,

В проем был виден двор с детской площадкой. На площадке девочка лет пяти каталась на качелях.

Сигарета догорела. Он поискал глазами урну, не нашел и воровато бросил окурочек у стены дома.

Девочка спрыгнула с качелей, убежала.

Он уже опаздывал, надо было торопиться.

Игорь сделал несколько шагов в сторону серого здания, в которое торопливо заходили коллеги, остановился, вернулся к арке и заглянул во двор.

Детская площадка была пуста. Он опустил на стоящую напротив качелей лавочку и достал телефон.

Парня, который обнаружил тело дочери, он помнил плохо. Тот представился журналистом. Он с сочувствием смотрел на Игоря и зачем-то продиктовал ему номер своего телефона. А Игорь зачем-то послушно записал.

Парня звали Иван Кургин.

Мужской голос ответил через несколько гудков, и Игорь, не представляясь, торопливо сказал:

— Я хочу купить портрет дочери. За любые деньги.

* * *

Когда-то Ивана Кургина Стася знала неплохо. Он нередко заглядывал к Егору, но это было пять лет назад, а с тех пор она прилежно старалась забыть все, что связано с Егором.

Забыть получалось успешно. Теперь она пугалась от мысли, что могла не поехать промозглой декабрьской ночью на дачу и до сих пор считала бы, что немедленно умрет, если Егор ее разлюбит.

Она не умерла, она встретила Марка и теперь знала, что все, что бог ни делает, к лучшему.

Впрочем, бог за нас ничего не делает, мы сами совершаем свои поступки.

Разговаривать не хотелось, но она ответила на звонок.

— Привет, Станислава, — поздоровалась трубка. — Не разбудил?

— Не разбудил, — вздохнула Стася.

Ей не хотелось слышать Кургина.

Ей не хотелось ни слышать, ни видеть никого из приятелей и приятельниц Егора.

Она и не слышала о них до самого последнего времени.

— Отец той девушки, которая вместе с Егором... умерла, хочет купить ее портрет.

— На эту тему с Ирой нужно разговаривать, а не со мной! — стараясь не завывать от злости, отрезала Стася.

Когда-то она с сестрой Егора дружила. Они нравились друг другу, Ирина и Стася.

Это было в те далекие времена, когда она таяла от любви к Егору, и каждая минута, проведенная без него, казалась ей вычеркнутой из жизни.

— Уже поговорил. Она просила тебя отдать отцу девушки все, что он захочет.

Ключи от квартиры Егора Ира сунула Стасе в руки на похоронах.

— Мне некому больше их дать! — зло объяснила Ира. Она смерть брата переживала тяжело, Стася ее жалела. — Ты его жена! Сделай для него хотя бы малость!

Стася никогда не была женой Егора. Он так и не собрался оформить брак.

А уж в том, что мертвому Егору все равно, у кого будут ключи от его квартиры, можно было не сомневаться.

— Маму я забираю с собой, у нас здесь больше нет никого близких!

Ира давно жила в Германии, уехала, еще когда для Стаси существовал только один мужчина на свете — Егор.

Брать ключи было нельзя, но Стася послушно сжала их в кулаке.

— Я дам тебе ключи, и берите все, что хотите! — прошипела Стася Кургину.

— Спасибо, — поблагодарил Иван. — Куда приехать?

Можно было встретиться где угодно, но она неожиданно сказала:

— Через два часа у Егора в квартире. Подойдет?

— Подойдет.

Марк смотрел на нее злыми и несчастными глазами.

— Кто это? — хмуро спросил он.

— Приятель Егора, — Стася подошла к мужу, сидящему за столом, и щекой прижалась к его го-

лове. — Марик, пожалуйста, не придумывай глупостей!

Марк ее ревновал. Это было смешно и глупо, и она не знала, что с этим делать.

— Какой приятель?

— Иван Кургин. Блогер. Помнишь, я показывала тебе его стримы на Ютубе? Они с Егором дружили. Ивану нужно что-то взять из квартиры.

О том, что Егора и некую девушку нашли в той квартире мертвыми, сказала Ира. Сестра Егора рыдала в трубку, а Стася ничего не чувствовала, кроме равнодушной досады.

Она не желала Егору смерти. Она желала никогда о нем не слышать.

— А ты здесь при чем?

— У меня ключи, — виновато объяснила Стася.

— Какого черта ты их взяла!

— Ире больше некому было их дать.

Все это было уже сотню раз проговорено. Она не должна была брать ключи от квартиры совершенно чужого Егора, и Марк справедливо на нее злился.

— Марик, ну пожалуйста, не надо, не злись, — попросила Стася. — Поцелуй меня.

Он поцеловал, конечно. Он всегда делал так, как она хочет.

В отличие от Егора.

— Мне никто не нужен, кроме тебя. — Стася заглянула ему в глаза. Глаза были печальные. — И никогда не будет нужен. И никогда не был, только я этого не знала. Я же не виновата, что не встретила тебя раньше.

Муж наконец неохотно обнял ее одной рукой, и она опять испугалась, что могла до сих пор оставаться с Егором.

* * *

Станислава изменилась. Раньше была веселой девчонкой, со щенячьей радостью заглядывающей в глаза Егору, а теперь стала спокойной, уверенной молодой дамой. Это Иван еще на похоронах заметил.

Раньше он ее жалел. Почему-то ее преданность Егору вызывала именно жалость. Станислава постоянно старалась угадать, что ее кумиру угодно, и светилась радостью, когда у нее получалось. Она вскакивала за сигаретами, когда Егор начинал ошупывать карманы, она мгновенно приносила нужный холст, когда Егору хотелось показать приятелю свою новую работу, она совала Егору в руки куртку и шарф, когда он шел проводить Ивана. Все это Станислава проделывала не демонстративно и ненавязчиво, незаметно.

Егор благодарно и незаметно ей улыбался и гладил ее по плечу или по руке. Он ценил ее преданность.

Иван был поражен, когда узнал, что Станислава Егора бросила.

Иногда он замечал, что Соня напоминает ему Станиславу. Это бывало, когда жена смотрела на него с тихим обожанием. Но Соня у него жалости не вызывала, ему нравилось, когда она так на него смотрела.

— Ты стала очень красивая, — искренне сказал Иван, когда Станислава вышла из припарковавшейся рядом «Тойоты».

Она приехала вовремя, это он явился на двадцать минут раньше и ждал ее, сидя на лавке у подъезда

Егора. Сидеть на лавке было приятно, неожиданное для ноября солнце ласкало лицо.

— Спасибо, — улыбнулась Станислава. — Я люблю комплименты, мне их редко делают.

— Да? — удивился он. — Почему редко?

Разговор становился каким-то фальшивым, пошлым. Неуместным.

— Так, — Станислава пожала плечами. — Некому делать.

— А муж? — отчего-то не унимался Иван. — Ты ведь замужем?

Он кивнул на обручальное кольцо на ее пальце.

— Да, замужем. — Она чуть поморщилась, пресекая неуместный разговор. Раньше она этого не умела. — Пойдем!

Станислава быстро пошла к подъезду, он двинулся следом.

Раньше она краснела и прятала глаза, когда Егор отпускал грубые шутки.

Она отпирала дверь, когда позвонил отец погибшей девушки.

— Поднимайтесь, — сказал ему Иван. — Мы уже на месте.

В прихожей Станислава пошарила рукой по стене, включила свет. Помедлила пару секунд и нерешительно прошла в комнату. Ей не хотелось здесь находиться, она старалась ни к чему не прикасаться, даже сунула руки в карманы куртки.

Трупы обнаружил Иван. Утром приехал к Егору, потому что хотел расспросить приятеля об одной даме, портрет которой Егор писал. Иван интересовался не дамой, а ее мужем. Тот был личностью малоизвестной, но, как подозревал Иван, контролировал

неплохие денежные потоки. У него перехватило дыхание, когда приятель похвастался, что заимел такую интересную клиентку.

Накануне у Егора был день рождения. Отмечать его приятель собирался в выходные, но Иван позвонил, поздравил, заодно напросился на встречу, чтобы спокойно поговорить о даме.

Встретиться договорились утром. Иван на встречу опоздал и, когда дверь ему не отперли, зло подергал ручку. Егор мог бы и предупредить, что ждать Ивана не станет.

Дверь неожиданно открылась. Иван негромко позвал Егора и в ту же секунду увидел на полу комнаты-студии тело друга. Вообще-то тогда он еще не понял, что это не Егор, а его тело. Это выяснилось через несколько секунд.

Тело девушки лежало ближе к окну.

Стоящий на мольберте портрет он увидел сразу. С холста девушка, которая теперь была мертвой, улыбалась еле заметной улыбкой.

— Он писал ее портрет, — сказал Иван отцу девушки.

Ему тогда казалось, что отец его не услышал. Он молча смотрел перед собой и зло сжимал губы.

И все-таки Иван не удивился, когда отец утром ему позвонил. Он скорее удивился бы, если бы он не позвонил.

Дверной звонок прозвенел резко, громко. Станислава, стоя лицом к окну, не пошевелилась. Иван открыл дверь.

Мужчина молча кивнул Ивану. Тот без слов посторонился, впуская гостя.

Станислава отвернулась от окна и тихо сказала:

— Здравствуйте.

Руки она продолжала держать в карманах.

Отец на приветствие не ответил. Иван повел головой, показывая, что пройти нужно в соседнюю комнату, и двинулся туда первым.

Портрет мертвой девушки продолжал стоять на мольберте.

Работа была незакончена. Волосы остались темным пятном, а шея и плечи — светлым. Только губы казались реалистичными.

Егор был талантливым художником.

— Сколько? — неприязненно спросил отец.

Иван помнил, отца звали Игорем Семеновичем.

Игорь Семенович так же, как и Станислава, держал руки в карманах.

— Нисколько, — сказал Иван.

— Я хочу заплатить!

— Хозяева сказали, чтобы я отдал бесплатно.

Гость молча повернулся, вышел из комнаты, которая служила Егору студией, остановился у двери второй комнаты и зло бросил Станиславе:

— Вы хозяйка?

— Нет, — она покачала головой.

— Я хочу заплатить!

— Платите, — Станислава равнодушно пожала плечами. — Оставьте деньги, хозяева приедут, заберут.

— У меня нет наличных.

Станислава промолчала.

Они оба, и Игорь Семенович, и Станислава, мечтали поскорее убраться из этой квартиры.

— Хозяева в Германии, — примирительно сказал Иван. — Вы можете заплатить, когда они приедут.

— Я хочу заплатить сейчас!

— Переведите мне на карточку, — предложил Иван. — Я переведу хозяйке. Позвоню ей, узнаю, как это сделать.

— Сколько?

— Понятия не имею. Правда.

Станислава снова отвернулась к окну.

— Ста тысяч хватит?

— Игорь Семенович, я правда не знаю.

Егор был модным художником, на безденежье никогда не жаловался. Возможно, брал и сто тысяч за работу.

— Игорь! — поморщился Игорь Семенович.

— Игорь, — послушно повторил Иван.

— Диктуйте номер карты или телефон.

Иван продиктовал. Телефон пискнул, перевод пришел почти мгновенно.

Игорь быстро вернулся в студию, брезгливо взял за угол холст на подрамнике и молча ушел, негромко хлопнув дверью.

— Пойдем? — позвал Иван Станиславу.

— Я еще немного здесь побуду, — неожиданно сказала она.

Иван, поколебавшись, вернулся в студию. Когда он ждал полицию, стараясь не смотреть на лежащие на полу тела, заметил еще один неоконченный портрет. Дама на нем была постарше мертвой девушки. Она смотрела с портрета мягко и грустно. Егор был хорошим художником.

Иван достал телефон и несколько раз сфотографировал портрет.

Ему хотелось еще побыть в квартире.

Ему хотелось понять, как в дорогое вино мог попасть метанол. То есть не совсем метанол, а яд на его основе. Сейчас не девяностые, даже дешевую водку покупать безопасно.

Про метанол шепнул один из оперов, который, как выяснилось, являлся подписчиком Ивана. Парень смотрел на Ивана с большим уважением, почти с восторгом. Это было забавно и полезно.

— Сделай себе запасные ключи, если хочешь, — когда он вышел из студии, предложила Станислава.

— Спасибо. — Иван взял протянутую связку.

Раньше он думал, что чуткостью отличается только его Соня.

Не зря внешне очень разные жена и Станислава иногда казались ему похожими.

* * *

Портрет хотелось спрятать от чужих глаз, и Игорь нес его, прижав к себе. Можно было не прижимать, спускаясь к машине, он никого не встретил.

Положив портрет на соседнее сиденье, он взялся за руль, посидел и снова потянулся к портрету. Изображение на холсте и походило на его дочь, и нет. Глаза были выписаны плохо, казались неживыми. Живыми выглядели только губы.

Они были алые, как будто Лена ради шутки ярко их накрасила.

Художник пытался изобразить его дочь женщиной-вампом?

Лена не была женщиной-вамп.

Игорь понятия не имел, какой она была.

Он снова положил портрет, прислонив его к спинке сиденья.

Лене было десять лет, когда Игорь встретил Лилу, и двенадцать, когда умерла Ольга.

Рак выявили поздно, и по-настоящему жена болела недолго. Теща тогда взяла Лену к себе, и дочь он почти не видел. Игорь приезжал в больницу к жене, смотрел на безжизненное Ольгино лицо, а потом ехал к Лиле.

Он жутко уставал в то время.

Когда Ольги не стало, теща предложила оставить у себя Лену, и он с облегчением согласился. Теща преподавала английский язык, и времени у нее, чтобы приглядывать за ребенком, было больше, чем у Игоря.

Он приезжал к дочери по субботам, расспрашивал о школьных успехах, водил девочку в театры.

Он ни разу не спросил ее, хочет ли она с ним жить.

Теща умерла, когда Лена оканчивала университет, и вопрос о совместном проживании уже совсем не стоял.

Он отказался от дочери ради Лили.

На служебной стоянке машин было уже гораздо больше, чем утром. Игорь вышел из машины, оставив портрет на сиденье, направился ко входу в здание и неожиданно снова вернулся к автомобилю.

Лицо Лены было прислонено к сиденью, но ему казалось, что он выставил дочь на всеобщее обозрение.

Он снова сел за руль и поехал в квартиру тещи, которая уже давно была жилищем Лены.

Он попытался припомнить, когда в последний раз ездил сюда к Лене, и не смог. Давно.

Они с дочерью встречались по несколько раз в год, как правило, в ресторанах. Отмечали Ленин день рождения, его, Лилин. Пару раз в месяц перезванивались.

Ключи от квартиры когда-то дала ему еще теща, и он не был уверен, что они подойдут. Ключи подошли, он приезжал сюда вместе с полицейскими. Игорь отпер дверь в квартиру и какое-то время стоял, не решаясь пройти дальше.

В прихожей и в кухне горел свет.

Он приехал сюда вместе с полицейскими сразу после того, как опознал дочь. Полицейские прибыли в квартире недолго, и Игорь ушел вслед за ними. Наверное, уходя, забыл выключить свет.

Он машинально пошаркал ногами, вытирая их о придверный коврик, выключил свет сначала в прихожей, потом в кухне.

Комната побольше когда-то считалась тещиной, поменьше — Лениной.

В Лениной комнате виднелась незастеленная постель. Рядом с постелью на стуле груда одежды.

Лена никогда не отличалась аккуратностью. Ольга поднимала за ней брошенные вещи и ругала дочь, а та на причитания матери не обращала внимания. Иногда и Игорь срывался. Как ни странно, его дочь слушалась, сердито и неохотно возвращалась за валявшейся на полу шапкой или курткой, вешала в шкаф.

Игорь поставил портрет на пол, заметил лежащее в кресле покрывало, застелил постель.

Подошел к стулу с брошенной одеждой, аккуратно повесил блузки на спинку.

На письменном столе лежал ноутбук. И стол, и компьютер успели покрыться пылью. Он прошел на кухню, нашел тряпку, вытер пыль.

И неожиданно вспомнил, как возвратился однажды из командировки. Лене было тогда года три-четыре. Может быть, пять.

— Папочка! — кричала Лена, залезая к нему на руки. — Папочка приехал!

Она не давала ему раздеться, он пытался спустить ее с рук, но дочь продолжала хватать его за рукава куртки.

Нет, пожалуй, ей тогда было меньше пяти.

В комнате тещи беспорядка не было. Похоже, бывшей бабушкиной комнатой Лена совсем не пользовалась.

Он поднял портрет, отнес его в Ленину комнату и прислонил к спинке стула.

Больше делать здесь было нечего, но он еще какое-то время стоял, глядя в недописанное лицо дочери.

Возвратиться на работу было еще не поздно, но он поехал домой. К Лиле.

* * *

Не заметить, что Ивану хочется осмотреть квартиру, было невозможно. Сначала Стася собиралась отдать ему ключи и больше никогда здесь не появляться, но внезапно передумала.

Ей тоже захотелось осмотреть квартиру. Когда-то здесь остались ее вещи, она не нашла в себе сил

за ними приехать, и пришлось заново покупать всю одежду. Еще здесь остался ее компьютер. Об одежде она не жалела, а компьютер был дорогой и новый, купить такой же означало остаться совсем без денег, и Стася тогда приобрела самый дешевый ноутбук.

Впрочем, о компьютере она тоже не сокрушалась, она тогда жалела только себя.

— Я здесь побуду немного и больше не появлюсь, — сказала она Ивану, когда тот вернулся с дубликатом ключей.

Иван кивнул. Смотрел он на нее с сочувствием.

Наверное, считал, что она сильно страдает от потери Егора.

Она совсем не страдала. Она отстрадала свое пять лет назад.

— Как Соня? — запоздало спросила Стася.

Жена Ивана когда-то ей нравилась. Иногда они даже встречались одни, без мужчин, сидели в кафе. Однажды сходили в кино. Фильм оказался занудный, и они ушли с середины.

— Нормально.

Соня долго звонила Стасе, когда в ее жизни не стало Егора. Стася на вызовы не отвечала.

— Передает тебе привет.

— Спасибо.

Иван наконец ушел. Стася сняла куртку, бросила ее на стул.

Зачем-то принялась выдвигать ящики письменного стола. Он был старый, чуть ли не позапрошлого века и принадлежал Егорову прадеду. Егор потратил приличную сумму, чтобы отреставрировать его.

Старинный стол считался Стасиным рабочим местом, на нем всегда лежал ее раскрытый ноутбук.

Она тогда работала программистом, часто писала код дома, а в офис ездила всего пару раз в месяц.

Она и сейчас работала программистом и ездила в офис пару раз в месяц, только сейчас фирма была не той, крошечной и никому не известной, а вполне солидной, престижной.

Ее ноутбук нашелся в нижнем ящике стола. Стася достала его, включила в сеть. Как ни странно, компьютер работал.

Она быстро прошла в прихожую, открыла стеной шкаф. Раньше здесь хранились мусорные пакеты. Рулон мешков, как и раньше, лежал на второй сверху полке.

На мгновение ей показалось, что она вернулась в прошлое.

Чувство было неприятным. Стася потрясла головой, отгоняя его, отмотала от рулона один мешок, затолкала в него ноутбук. Следом сунула зарядку.

Она не ожидала, что Егор ноутбук не выбросит. Наверное, ему было лень лишний раз сходить к мусорным бакам.

Еще меньше она ожидала, что Егор не выбросит ее одежду.

В шкафу висели ее куртки, блузки, брюки, в выдвижных ящиках лежало белье.

Повезло, мусорных мешков хватило, чтобы сложить всю одежду.

Стася дважды спустилась к мусорным бакам, снова поднялась в квартиру.

В комнате, где лежали и стояли картины, делать ей было нечего, но она и туда заглянула.

Раньше Егор редко работал дома. Студией ему служила дача. Дома картины только хранились.

В тот день, когда она вернулась от врача, он тоже работал на даче. Стася нетерпеливо его ждала, потому что говорить по телефону о том, что в их жизни грядут большие перемены, ей не пришло в голову.

Время еле тянулось, а Егора хотелось увидеть немедленно.

Он позвонил в десятом часу.

— Я, пожалуй, здесь останусь. — Он был слегка пьян. — До завтра, солнышко. Целую.

Стася тогда постояла у окна, глядя на падающий хлопьями снег. Она помнила, как сжимала телефон в руке и водила им по подбородку. А потом надела дубленку и поехала к Егору.

И произошло то, что произошло.

Картин было много. Стася нехотя прошла в комнату и принялась рассматривать их, как будто была на выставке.

В углу на стуле лежали папки с рисунками. Карандашные наброски Егор складывал в большие картонные папки с завязочками. Они казались неуместными в двадцать первом веке.

Стася решительно шагнула к стулу, переложила папки на пол и, усевшись, принялась перебирать рисунки.

В папки Егор складывал те рисунки, которые ему нравились. Остальные сначала валялись где попало, а потом безжалостно выбрасывались.

Папка, которую она искала, нашлась не сразу.

Стася смотрела на карандашные наброски и не могла не признать, что Егор был талантливым художником.

Она, Стася, на этих рисунках была красавицей.

Обнаженной красавицей.

— Не шевелись, — приказывал Егор, ставил стул поудобнее и брал в руки карандаш и бумагу.

Стасе было скучно лежать без дела, но она терпеливо лежала, даже когда лежать голой на постели становилось холодно.

Пустые папки лежали в книжном шкафу. Чтобы открыть его, пришлось переставить несколько картин.

Стася, боясь пропустить себя среди множества карандашных набросков, сложила свои изображения в пустую папку.

Как ни странно, других женщин Егор обнаженными не рисовал. Видимо, другие дамы подолгу у него не задерживались.

Мусорных мешков больше не было. Стася нашла пустую целлофановую сумку, сунула в нее папку и связала ручки узлом.

В третий раз подойдя к мусорному баку, бросила в него сумку и наконец села в машину.

* * *

— Что так рано? — радостно удивилась Лиля, выбежав на звук отпираемой двери.

Она всегда радовалась, когда он приходил, и Игорь не переставал удивляться, как легко и спокойно ему становилось рядом с ней.

— Удалось пораньше освободиться. — Он повесил куртку на вешалку, переобулся.

Кажется, Ольга тоже выбегала его встречать.

Маленькая Лена выбегала точно. Он подхватывал дочь на руки, целовал, дежурно спрашивал, как прошел день.

Он тогда был абсолютно доволен и собой, и семьей, и всей своей жизнью.

Все изменилось, когда он встретил Лилю.

— Ужасно болит голова, — пожаловалась Лиля.

— Прими таблеточку какую-нибудь, — посоветовал Игорь.

— Уже пила аспирин, не помогает.

На здоровье Лиля жаловалась постоянно. Он давно к этому привык и, если честно, жалобам жены не верил.

От Ольги он не слышал ни одной жалобы. Даже когда она умирала.

— Ужасно болит голова, — говорила Лиля, когда он приезжал к ней от умирающей жены.

Тогда он, кажется, верил, что голова у нее действительно болит.

Или уже не верил?

Неважно. Она была необходима ему со всеми своими жалобами.

Ему и сейчас сделалось спокойно от ее присутствия.

— Обедать будешь?

— Попозже. — Игорь надел домашний костюм, взял планшет и лег на диван.

— У нас сегодня отличный обед.

Еду жена давно заказывала с доставкой на дом. Впрочем, сейчас мало кто готовит самостоятельно.

— Игорек, ты не заболел? — встревожилась Лиля.

— Нет, — удивился Игорь. — С чего ты взяла?

— Ну... Ты лег. Молчишь.

Она села с ним рядом, он погладил ее колени.

— Все в порядке. Устал немного.

Лиля устроилась поудобнее, спиной прижалась к его ногам.

Он долго не обращал внимания на девочку-соседку, которая ласково улыбалась ему при встрече. Улыбалась Лиля ему одному, с Ольгой здоровалась сухо и равнодушно.

— Соседи сдали квартиру, — объяснила ему Ольга, когда они впервые встретили Лилю.

Лиля позвонила ему в дверь, когда Ольга и Лена отдыхали в Турции.

Перед этим они все вместе провели там почти месяц. Игорь, устав от перелета, приехал в пустую квартиру поздно вечером. Дверной звонок прозвенел, когда он, бросив чемодан, собирался пойти в душ.

— Простите, пожалуйста, — робко сказала Лиля. — Вы не можете мне помочь?

Помогать Игорю не хотелось, ему хотелось спать.

— Что нужно сделать? — вздохнув, спросил он.

Сделать нужно было элементарное — ввернуть лампочку в люстру. Лампочку она вполне могла вывернуть и ввернуть сама, но Игорь, мысленно чертыхаясь, сходил домой за стремянкой, поменял лампочку и снова о молодой соседке забыл.

Он забыл о ней на сутки.

Следующим вечером она снова позвонила в дверь.

Она была юная, смущенная и смотрела на него влюбленными глазами.

— Хочешь, кино какое-нибудь посмотрим? — Лиле было неудобно сидеть, привалившись к его ногам, она поерзала.

— Не хочется. Посмотри сама.

— Одна не хочу. Хочу с тобой.

— Я устал, Лилечка.

— Игорь, ты точно не заболел?

— Точно.

— Ты страдаешь из-за Лены?

Он промолчал.

Вид у жены был встревоженный, испуганный. Почему-то у нее всегда делался испуганный вид, когда речь заходила о его первой жене или дочери.

Говорить ему не хотелось, он снова погладил ее колени.

Впервые за много лет ему захотелось остаться одному. Нет, не совсем так, ему хотелось, чтобы она занялась чем-то в соседней комнате, он бы знал, что она здесь, ему было бы от этого спокойно, но он бы имел возможность подумать.

Лиля еще минутку посидела и поднялась.

Он страдал из-за Лены, а Лиля не любила никаких страданий. Она старалась держаться от них подальше.

Она не дочитывала до конца грустные книги и не досматривала печальные фильмы.

Игоря это умиляло.

Она начала умилять его с того летнего вечера, когда во второй раз позвонила ему в дверь.

— Добрый вечер, — залепетала юная и смущенная Лиля и протянула ему коробку с пирожными. — Вот.

— Что это?

Коробка была прозрачная, и пирожные он отлично видел.

— Хочу вас поблагодарить. — Юная соседка совсем засмущалась.

— Вы вчера сказали мне спасибо, — напомнил он, вздохнул и напрямую спросил: — Лиля, чего вы хотите?

Кажется, глаза у нее в тот момент наполнились слезами.

Игорь шире приоткрыл дверь и посторонился.

— Проходите.

Ему казалось, что у него хорошая семья.

Ему казалось, что он любит Ольгу.

Через несколько дней он мог думать только о юной соседке. Словно на него навалилось сумасшествие.

— Не захотел пообедать? — крикнула из кухни Лиля.

— Захотел.

На самом деле ему не хотелось ни есть, ни пить. Ему хотелось, чтобы поскорее наступил вечер и он смог бы забыться.

* * *

До прихода Марка Стася успела поработать. Вообще-то отлучаться в рабочее время по своим делам не следовало, даже при работе на удаленке. В фирме это не приветствовалось.

В фирму она устроилась, когда Егора у нее уже не было. Резюме отправляла еще при Егоре, а начала работать, уже будучи самым несчастным человеком на свете.

Тогда она еще не знала, что встретит Марка.

Тогда она не работала на удаленке, приходила утром в офис, а вечером, отсидев положенное время, уходила.

Приходилось тратить много времени на дорогу, Стася поселилась у старой родственницы в Подмосковье, потому что больше жить ей было негде.

Родственницу Татьяну Михайловну Стася знала плохо. Когда-то давно она приезжала в гости к Стасиным родителям, бывая в Москве, родители вместе со Стасей заходили к ней в гости.

Когда Стася поступила в университет, тетя Таня настойчиво предлагала ей поселиться у нее, но Стася с подружкой удачно сняли крохотную квартирку недалеко от университета, и необходимости каждый день толкаться в электричке не было.

Стася приехала к тетке, когда ей стало некуда идти.

Более пошлой и гнусной истории, чем та, которая с ней случилась, придумать сложно. Она ехала к Егору на его дачу-студию и представляла, как он обрадуется, узнав, что у них будет ребенок.

Шел мягкий снег, сверкал под ногами разноцветными искорками. Дорожка от калитки к дому была покрыта ровным белым слоем, Стасины ботинки оставляли на снегу глубокие следы.

Ей не хотелось думать о том, что произошло бы, если бы она не заглянула в окно.

Она заглянула в окно и пошла назад, почему-то стараясь идти по своим темнеющим следам.

Потом она ехала в электричке в Москву, а приехав, поняла, что снова войти в квартиру Егора не сможет.

Она просидела ночь на вокзале, рано утром пришла на работу, а вечером поехала к тете.

Она заплакала, когда тетя кормила ее ужином в своем старом убогом деревенском домике.

Зашуршал замок. Стася выбежала в прихожую, прижалась к мужу.

— Встречалась с блогером?

Марк успел снять куртку. Его свитер колол Стасе щеку.

— Встречалась.

— Ну и как? — Муж злился. Отодвинув Стасю, пошел переодеваться.

— Никак. Иван отдал портрет отцу той девушки, и мы разъехались по домам. Марик...

— Что?

— Пожалуйста, не злись.

Он хотел пройти мимо нее, но Стася не дала, ухватила его за плечо.

— Я не хочу, чтобы ты туда ездила, — вздохнул он.

— Не буду, — пообещала Стася, снова к нему прижимаясь. — Пожалуйста, не придумывай ерунды. Егор уже давно был для меня чужим человеком. Совершенно чужим. И ты прекрасно это знаешь.

— Правда?

— Правда. Послушай, это просто бред какой-то! Ты не ревновал меня к живому Егору, а ревнуешь к мертвому.

— Откуда ты знаешь, что я тебя не ревновал? — мрачно усмехнулся Марк.

— А если ревновал, значит, ты просто дурак. Перестань! Не хватало нам еще ссориться из-за... непонятно чего.

Он наконец тоже ее обнял и прошептал:

— Я не смогу жить, если ты меня бросишь.

— И я не смогу без тебя жить, — грустно улыбнулась Стася. — Давай жить вместе.

Солнечный день сменился хмурым ветреным вечером. Ветер наклонял голые ветки растущего за окном тополя.

Стася задернула занавески. Бежевая ткань, закрыв темное окно, сделала комнату теплой, уютной.

* * *

О бизнесмене Бережкове, жену которого тоже не успел дописать Егор, информации в интернете почти не было. Бизнесмен иногда мелькал рядом с московскими и подмосковными чиновниками, и только. О жене его информация была. Жена Анастасия в прошлом была артисткой Москонцерта, а в настоящем периодически размещала в соцсетях собственные фотки. Еще высказывалась в блоге о текущих политических событиях, хотя лучше бы она этого не делала. Читать такую чушь человек с нормальной психикой не мог.

Иван достал телефон, открыл фото незаконченного портрета.

— Сонь! — крикнул жене. — Иди сюда!

На его взгляд, портрет однозначно принадлежал Анастасии. Несмотря на то, что на портрете она была загадочной красавицей, а на фотографиях — самой обычной женщиной.

— Сонь, посмотри, это она? — Иван сунул подбежавшей жене телефон и кивнул на экран компьютера.

— Она, — подумав, нерешительно подтвердила Соня. — Похожа. Это та девушка, которую Иван рисовал, да? Жена бизнесмена?

— Да, — кивнул Иван. — Как бы на нее выйти...

— Владу позвони, — посоветовала Соня.

Журналист Влад Соколов специализировался на сплетнях современного полусвета. Иван давно был с ним знаком, иногда Влад делился с Иваном информацией, иногда наоборот.

— Сам знаю, — проворчал Иван.

Соня фыркнула и опять убежала на кухню.

Снова звать ее Иван не стал, сам отправился следом.

— Станислава сильно изменилась. — О том, что утром он виделся со Станиславой в квартире Егора, Иван жене уже рассказал. — Стала похожа на... ученую даму, что ли.

— Начала носить очки? — засмеялась Соня.

— Нет, — улыбнулся Иван. — Очков не носит. Просто она такая спокойная, строгая. Как учительница.

Он мельком видел Станиславу на похоронах Егора, но там она пробыла недолго. Исчезла сразу же, как только все вышли из морга.

Сони на похоронах не было. У нее была легкая простуда, и от всеобщего страха перед коронавирусом из дома она не выходила.

Иван в те дни жутко боялся за Соню и на похоронах тоже пробыл недолго. Он заставлял жену каждые два часа мерить температуру и постоянно спрашивал, не пропало ли у нее обоняние.

— Она программист, — напомнила Соня.

— Помню.

Пять лет назад Егор явился к ним без звонка. Было уже поздно, Соня сидела над трудным переводом, а Иван уговаривал ее лечь спать.

Егор держал в каждой руке по бутылке коньяку. При этом был уже основательно пьян, стоять ему было трудно, он держался за стену.

— Эта сука меня бросила, — усмехнулся пьяный Егор и неожиданно заплакал. — Она меня бросила!

Он заснул минут через пятнадцать после появления. Утром Иван отвез его домой.

— Мне казалось, Станислава его любит, — удивлялся тогда Иван.

— Стася его любит, — грустно говорила Соня. — Егор сделал какую-то большую пакость. Жалко, они казались счастливой парой.

Иван посмотрел на хлопчущую у плиты Соню, потоптался и, вернувшись в комнату, позвонил Соколову.

Влад был в какой-то компании, в трубке слышался характерный шум, женский смех. Компании приятель любил.

— Извини, что беспокою, — покаялся Иван. — Что ты знаешь об Анастасии Бережковой?

— Там все чисто, — засмеялся Влад. — Она не справилась с управлением. Не морочь себе голову.

— Что?! — Иван сжал трубку.

— Подожди. — Шум чужих голосов отдалился, стих. — Я в одной милой компании. Сейчас выйду на улицу, закурю.

— Что случилось с Бережковой?

— Говорю же, она не справилась с управлением. — Теперь вместо голосов слышался слабый шум улицы. — Влетела на дикой скорости в ограждение.

— Она умерла?

— Сразу, на месте. Почему тебя это заинтересовало?

— Так...

— Ваня, не темни!

— Владик, если что-нибудь раскопаю, тебе скажу первому, — заверил Иван.

— Черт возьми! Почему ты про нее спросил? — Чутье у приятеля было хорошее, и в информацию он вцеплялся мертвой хваткой.

— Один художник писал ее портрет, — вздохнул Иван.

— И что?

— Художник неудачно выпил вина однажды вечером. Недавно я его хоронил.

— Заня-ятно! — протянул Влад.

— Да уж, — согласился Иван. — Занятно.

10 ноября, вторник

Поставив машину на служебную стоянку, Игорь двинулся ко входу в здание, неожиданно поймав себя на том, что сутулится. Это никуда не годилось. Он поднял голову, расправил плечи.

Лифта ждать не стал, пошел на четвертый этаж пешком. Здание было старым, позапрошлого века, с высокими потолками. Когда дошел до нужного этажа, дышал с трудом. Это тоже никуда не годилось.

Включив компьютер, он посидел, глядя в окно.

Когда-то в этом здании располагалось министерство. Теперешняя корпорация занималась тем же самым и отличалась от министерства только еще большим количеством сотрудников. Как ни странно, все сотрудники исправно трудились, составляли отчеты, справки, планы. Те дублировали друг дру-

га и на самом деле были никому не нужны. Кроме самих сотрудников, конечно. Они получали за это зарплату.

Иногда проходили кампании по сокращению аппарата. Ни к чему хорошему это ни разу не привело. Те несчастные, которых увольняли, благополучно устраивались в «дочки» компании, вытесняя оттуда немногих настоящих специалистов. А через пару лет аппарат странным образом разбухал еще больше.

Когда-то Игорь этому удивлялся, потом перестал. Привык.

— Сколько же дармоедов приходится на одного работягу, — говорил он когда-то Ольге.

Он попытался вспомнить, что отвечала ему жена, и не смог.

С Лилей он никогда служебные дела не обсуждал. С ней он отдыхал, отвлекался от всего постороннего и чувствовал себя молодым.

Игорь потянулся рукой к мышке, помедлил и поднял трубку внутреннего телефона.

— Я хочу взять отпуск на пару недель, — сказал он начальнику департамента. — Не возражаете?

— Бери, бери, Игорь, — в голосе начальника слышалось сочувствие. — Мои соболезнования. — Начальник вздохнул. — У меня у самого трое детей, я тебя понимаю.

Ни черта он не понимал...

Игорь положил трубку, снова ее поднял, набрал секретаршу, быстро и сухо сказал, чтобы она оформила ему отпуск.

Надел брошенную на стул куртку и запер кабинет. К машине он шел быстро, изредка кивая зна-

комым и при этом отводя от них глаза, чтобы не выслушивать соболезнования.

Жаль, что скрыть произошедшее от коллег не удалось.

В машине он немного посидел, держа на руле руки, и поехал в бывшую тещину квартиру.

К портрету он подошел, не раздеваясь. Постоял, глядя на лицо дочери, вернулся в прихожую, повесил куртку на вешалку.

Заглянул в холодильник, там оставались купленные Леной продукты. Он порылся в шкафу, нашел мусорный пакет, бросил в него остатки колбасы, сыра, еще какие-то пакеты, в которые он даже не заглянул. Открыл морозилку. Здесь лежали коробки с замороженными блюдами. Выбрасывать их он не стал.

Резко и громко прозвенел дверной звонок. Игорь замер с пакетом в руках, бросил его на пол рядом с холодильником и отворил незапертую дверь.

За ней стояла женщина лет шестидесяти.

— Извините. Я...

На ней были легкие брюки и тонкая водолазка. Соседка, в такой одежде в ноябре по улице не разгуливают.

— У меня ключи от вашей квартиры.

— Проходите. — Игорь посторонился, отступил в сторону.

Женщина нерешительно вошла в квартиру.

— Вы соседка? — Он прошел в бывшую тещину комнату, кивнул гостье на кресло.

— Да. — Садиться гостья не стала, остановилась у двери.

— Я Ленин отец.

Она покивала.

— Как это произошло? Полиция нас расспрашивала, а сами ничего не сказали.

— Ее отравили. Полиция занимается этим делом. Простите, мне тяжело об этом говорить.

— У меня ключи от ее квартиры. Сейчас принесу.

— Не надо, — остановил ее он.

— Ключи у меня давно, еще Любовь Федоровна дала...

— Когда вы видели мою дочь в последний раз? — Игорь подошел к окну и оперся о подоконник.

— Пару недель назад.

— Вы о чем-то поговорили?

— Поздоровались. Леночка куда-то спешила. Я сейчас принесу ключи.

— Да не надо! — поморщился он. — Пусть все будет... как прежде.

— Я в двенадцатой квартире живу.

Он кивнул.

— Лена, когда уезжала, предупреждала. Так, на всякий случай...

Он опять кивнул.

— Я иногда днем гуляю, иногда по вечерам. Заметила, что свет в квартире горит днем и ночью. Сейчас свет погас, я и зашла. — Гостья говорила ровно, монотонно, но Игорь отчего-то был уверен, что соседку смерть Лены печалила. По-настоящему печалила, как и должно быть. — Уже схоронили?

— Да.

— Хорошая девочка была. Очень хорошая. Как за бабушкой ухаживала! Любовь Федоровна тяжело болела, долго. Лена все вечера при ней просиживала, книжки ей читала...

Игорь не знал, что теща болела долго и тяжело. Лена позвонила, сказала, что тещу увезла «Скорая». На следующий день позвонила, сказала, что бабушки больше нет.

Игорь оплатил похороны, это само собой разумелось.

— Она вам не говорила, что заказала портрет?

— Нет, — женщина равнодушно удивилась. — Портрет, наверное, дорого стоит...

Черт возьми, соседка права. Портрет стоит дорого, а дочь только недавно устроилась на работу и получала, как можно было предположить, немного. Достаточно, чтобы существовать, но недостаточно, чтобы пользоваться услугами модного художника.

Дочь устраивалась на работу уже в третий раз. В первый раз она проработала с полгода, и фирма обанкротилась. Во второй раз, кажется, не поладила с начальством. Он не вникал. Он давал ей приличную сумму независимо от того, работала она или нет. Он давал деньги, она их брала.

Соседка еще постояла, помолчала и наконец ушла. Игорь закрыл за ней дверь, запоздало пожалев, что не догадался спросить, как ее зовут. И телефон спросить не догадался. Впрочем, и имя соседки, и ее телефон ему едва ли понадобятся.

Позвонила Лиля. Время приближалось к обеду, жена всегда звонила ему в это время.

— Как дела? — ласково спросила Лиля.

— Нормально, — тепло ответил он. — Как ты?

— Жду тебя и скучаю, — она засмеялась.

— Жди и скучай, — улыбнулся он.

— Работы много?

— Как всегда.

Игорь сунул телефон в карман, подумал, снял пиджак и бросил его на стул.

Захотелось пить. Воды в холодильнике не было, стояла небольшая бутылка с гранатовым соком. Игорь взял ее, прошел с ней в Ленину комнату. Неожиданно решил, что сок окажется сладким, а такого ему не хотелось. Он поставил бутылку на стол рядом с ноутбуком, вернулся на кухню, нашел пакетики с чаем, включил чайник. Он терпеть не мог чай в пакетиках и никогда его не пил. На полке выбрал кружку побольше, бросил в нее два пакетика. Когда чайник закипел, заварил кипятком.

Еще имелся растворимый кофе, но его Игорь тоже терпеть не мог и никогда не пил.

Как ни странно, чай оказался нормальным, приемлемым.

Он посмотрел на висящие на кухне часы. Им было лет двадцать, они с Ольгой подарили их теще на какой-то день рождения. Тогда он еще не знал, что в его жизни появится Лиля, а Ольги не станет.

До вечера было далеко, и надо было чем-то себя занять. Говорить Лиле о том, что взял отпуск, он не стал. Отчего-то ему не хотелось, чтобы жена об этом знала.

* * *

Слава богу, утром Марк насупленным не выглядел. Он был обычным, ласковым и смешливым. Такого его Стася любила больше. Впрочем, она любила его всякого.

Проводив мужа, она, вздохнув, села за компьютер.

Поразительно, что Марк может в ней сомневаться. Марк — ее счастье.

Теперь казалось невероятным, что она не сразу это поняла.

Она страдала по Егору, худела, дурнела, равнодушно отмечая это, когда смотрелась в зеркало. Утром она ехала на работу, отсиживала положенные часы, вечером возвращалась домой, в убогий тетин домик. Тетя умерла весной, через несколько месяцев после того, как Стася у нее поселилась.

По выходным Стася ходила на кладбище и подолгу стояла у невысокого холмика.

Однажды на работе пришлось задержаться. Стояло лето, теплое, солнечное. У Стаси весь день сильно болела голова, она путалась в расчетах, делала ошибки, и окончательный вариант получился только к вечеру.

Голова болела так сильно, что она размышляла, не поехать ли домой на такси. Решила не ехать: и денег на дорогу жалко, и добираться вечером на электричке намного быстрее.

Ей повезло в тот вечер, удалось сесть у окна. Она смотрела на мелькающие за окном огоньки и мечтала поскорее очутиться дома. Хотелось спать. Иногда она закрывала глаза и прислонялась головой к окну.

Когда вместо сидевшей напротив пожилой женщины, без конца что-то переключавшей в большой сумке, оказался худощавый мужчина в очках, Стася не заметила. Мужик смотрел в телефон и не обращал на Стасю внимания. Она его совершенно не запомнила бы, если бы он с ней не заговорил.

— Вы плохо себя чувствуете? — подняв на нее глаза, неожиданно спросил он. За стеклами очков глаза было видно плохо.

Стася пожалала плечами и отвернулась к окну.

Внезапно мужчина поднялся, взял ее за плечи и прижался виском к ее лбу.

— Вы спятили? — отшатнувшись, прошипела Стася.

Народу в вагоне было мало. Вагон всегда пустел перед ее станцией.

— У вас температура. — Попутчик спокойно сел на место. — И высокая, нужно послушать легкие.

Стася опять отвернулась к окну. Если бы ехать предстояло еще долго, пересела бы на другое место, но поезд уже подходил к станции, и пересаживаться она не стала, поднялась, когда поезд замедлил ход.

Марк тоже встал и прошел за ней в тамбур.

На улице уже совсем стемнело. Темно было даже на освещенной редкими фонарями платформе.

— Вам нужно показаться врачу, — сказал он, идя за ней.

— Спасибо. — Стася хотела пойти быстрее, но сил не было. — Я вызову врача.

— Вызовите меня.

— Вы врач? — Она остановилась.

Платформа была почти пуста, только у дальней лестницы столпились несколько припозднившихся пассажиров.

Черт возьми, еще не хватало нарваться на маньяка...

— Я врач, — кивнул он. — И я уверен, что у вас высокая температура.

— Отстаньте от меня, — попросила Стася.

— Разве я пристаю? — удивился он. Наклонился к ней и прошептал: — Я к вам не пристаю. Я выполняю врачебный долг.

Неожиданно она перестала его бояться. Сразу, мгновенно.

Они молча дошли до тетиного дома. Стася тронула калитку, но Марк заходить не стал.

— Я приду через полчаса, — сказал он.

— Почему? — с удивлением повернулась к нему Стася.

— Потому что мне нечем вас послушать, — он показал, что в руках у него ничего нет. — Можно, конечно, ухо приложить, но это как-то ненадежно.

Он повернулся и быстро пошел прочь.

А через полчаса действительно вернулся. Сунул ей термометр, достал фонендоскоп, принялся прикладывать холодную железку к спине.

— Нет у тебя никакого воспаления легких, — через пару минут подытожил он. — Бронхитик есть, но это так, ерунда. Но антибиотики попить надо, температура высокая.

Температура действительно была высокая, почти тридцать девять.

— Я приду через час.

Он бросил фонендоскоп в сумку и вместе с ней исчез.

Через час он принес ей какие-то таблетки, заставил их принять, сев за стол, крупным неаккуратным почерком написал, как принимать таблетки в дальнейшем, и исчез окончательно.

Утром он позвонил, справился о самочувствии, потом позвонил через пару дней. К тому моменту Стася считала себя уже здоровой.

Больше он ей не звонил. Иногда она замечала его на платформе, но он ее либо не видел, либо не желал продолжать знакомство.

Впрочем, и Стася о продолжении знакомства не мечтала. Она тогда мечтала заснуть навсегда, потому что боль от того, что в ее жизни больше нет Егора, была невыносимой.

Стася открыла почту, вздохнула. Начальник прислал несколько замечаний. Они были справедливыми, но Стася мысленно начальника обругала.

Она начала править программный код, но внезапно отъехала от стола, вскочила с кресла и быстро прошла по комнате.

Вроде бы она внимательно просмотрела все рисунки Егора, но...

Ей совсем не хотелось, чтобы Марк увидел рисунок, на котором она фигурировала в качестве обнаженной модели. Марк едва ли попадет в квартиру к Егору, но тем не менее...

Ей не хотелось, чтобы и Иван это увидел, хотя на того в общем-то было наплевать.

Фигура у нее отличная, пусть любитесь, если захочет.

Стася попробовала уговорить себя, что рисунки просмотрела внимательно, но это не помогло.

Она торопливо оделась и поехала в квартиру Егора. Ей туда не хотелось, и она надеялась, что поездка будет последней.

* * *

Заниматься расследованием криминальных происшествий в интересы и сферу деятельности Ивана не входило. Ему нравилось освещать текущие по-

литические события, сопоставлять факты и верно угадывать, в чьих интересах принимаются те или иные правительственные решения. Как правило, решения принимались в пользу конкретных бенефициаров и сулили последним неплохие прибыли.

Конечно, он желал знать, кто и за что убил Егора, и ему очень хотелось, чтобы убийца был наказан, но не настолько, чтобы начать самому искать преступника. Да и не специалист он в этом деле, не сумеет, даже если захочет.

Он, как обычно, принялся просматривать новости, анализировать госзакупки, но вскоре поймал себя на том, что сосредоточиться не удастся.

Мешали мысли о мертвых — Егоре и девушке рядом с ним.

А еще о странно погибшей бывшей артистке Москонцерта Анастасии Бережковой, в девичестве Миловановой. Жене бизнесмена, портрет которой не успел дописать Егор. Информация об аварии в интернете имелась, странно, что он сразу ее не нашел. Анастасия Бережкова влетела в ограждение ночью, в нескольких километрах от МКАД. Погибла сразу, на месте. Слава богу, что больше никто не пострадал. По свидетельствам очевидцев, в машине она была одна. Фото с места аварии это подтверждали, ее попутчик или попутчица просто не сумели выбраться из покореженной машины.

Насчет наркотиков или алкоголя в крови несчастной Анастасии информации не было.

Иван приготовил себе чай, выпил, заварил еще.
— О Егоре думаешь? — угадала Соня.

У жены был срочный перевод, она сидела за компьютером.

— Думаю, — неохотно признался Иван.

— Помнишь, я знакомила тебя с Даной, со школьной подругой?

— Помню.

— Дана детям музыку преподает, но вообще-то она консерваторию окончила. Ее даже в Москонцерт приглашали. Хочешь, я ей позвоню?

— Хочу, — благодарно улыбнулся Иван. — Я тебе говорил, что ты мой лучший друг?

Черт возьми, ему ужасно хотелось найти знакомых бывшей артистки.

— Нет, такого еще не говорил.

— Ты мой лучший друг.

— Спасибо, очень приятно слышать, — засмеялась Соня.

Жена потянулась к телефону, набрала подругу Дану. Через некоторое время набрала еще раз. Телефон подруги не отвечал.

Иван снова попробовал вчитаться в новости, но не выдержал, закрыл ноутбук.

— Съезжу, пожалуй, к Егору.

Вероятно, все, что могло помочь в поимке убийцы, полиция забрала, но Ивану не сиделось на месте.

Проситься поехать с ним Соня не стала, перевод действительно был срочный.

— Я туда и обратно, — пообещал Иван.

До дома Егора он доехал на удивление быстро. Опасаясь коронавируса, москвичи активнее, чем раньше, пользовались собственным транспортом, Иван уже привык, что пробки в городе стали постоянными. Повезло, на этот раз заторов на пути не было.

Дверь оказалась закрыта только на один замок. Вчера он запер оба замка.

Иван, помедлив, распахнул дверь и сразу увидел Станиславу, она смотрела на него с испугом.

— Это я, — объяснил он.

— Ой, — она с облегчением выдохнула и засмеялась. — А я уж испугалась!

В руках она держала тонкую пачку карандашных рисунков.

— Не возражаешь, если я здесь кое-что поищу?

— Иван, это не моя квартира!

— Понимаю, но... не возражаешь?

— Не возражаю, — фыркнула Станислава. — Я тоже кое-что поищу, не возражаешь?

— Не возражаю, — великодушно разрешил Иван.

Когда Станислава шутила, она сильно напоминала Соню.

Станислава вернулась в комнату, где хранились картины, он, повесив куртку на вешалку, пошел в другую.

Егор купил эту квартиру незадолго до того, как у него поселилась Станислава. Когда он позвал Ивана отметить новоселье, в комнате стояли только книжные шкафы и раскладушка в углу. Иван с Соней сидели на раскладушке, а Егор на полу. Они пили шампанское и закусывали магазинными салатами.

Что они с Соней подарили приятелю на новоселье, Иван не помнил. Подарки всегда покупала жена.

Когда они появились здесь в следующий раз, раскладушки уже не было. В комнате стояли ди-

ван, кресла, а Егор показал на смущенную девушку и сказал:

— Это Станислава.

Почему-то Соня сразу стала звать Станиславу Стасей, а Иван до сих пор так и говорил — Станислава.

Для тогдашней Станиславы имя казалось неподходящим, слишком солидным и строгим. А для Станиславы теперешней, пожалуй, в самый раз.

Иван открыл один из книжных шкафов, провел пальцем по корешкам небрежно лежащих книг. На полках заметным слоем лежала пыль. Если бы Егор жил с женщиной, такой пыли не было бы.

Внизу лежали два ноутбука, один на другом. Рядом смартфон.

Иван взял смартфон, нашел зарядку, воткнул в сеть. Телефон был старый, полгода назад он видел у Егора другой.

Нового телефона Иван не нашел. Возможно, его забрали полицейские.

Сим-карты в смартфоне не было, посмотреть, с кем Егор разговаривал перед смертью, было невозможно. Иван открыл Егорову почту. На первый взгляд никаких подозрительных писем другу не поступало.

Машинально открыл приложение для вызова такси. Гаджет задумался, показал карту, правильно определил собственное местоположение и поинтересовался, куда хозяин гаджета желает поехать.

В виде подсказки выскочил список адресов, по которым ездил Егор.

Адресов было немного, и они ни о чем Ивану не говорили.

— Станислава! — позвал Иван.

Он бы сам к ней подошел, но смартфон был воткнут в розетку.

— Что? — Она подскочила и с любопытством уставилась в экран. — Ты что-нибудь нашел?

— Нет. Не знаю. Посмотри, тебе эти адреса знакомы?

Она взяла телефон в руки, подумала. Покачала головой.

— Нет. А тебе?

— Тоже нет.

— Раньше Егор на такси не ездил, — помолчав, заметила Станислава.

— Похоже, он делал это нечасто. — Иван помолчал и кивнул в сторону комнаты с картинами. — Там стоит портрет женщины. Я его вчера сфоткал. Женщина пару недель назад погибла...

Наверное, не стоило всего этого ей рассказывать. Теперешняя Станислава всячески давала понять, что Егор ей давно чужой, посторонний человек.

Он ошибся, Станислава слушала внимательно. Лицо у нее сделалось серьезным и печальным.

* * *

Не столько оттого, что проголодался, сколько оттого, что в обеденное время полагается есть, Игорь достал из морозилки первую попавшуюся коробку, сунул в микроволновку.

В коробке оказалась котлета с гречкой.

Он поковырял котлету и гречку, что-то съел, остатки вместе с коробкой бросил в мусорный мешок.

Чтобы не забыть захватить мусор, когда будет уходить, отнес мешок к входной двери.

Снова заварил крепкий чай и с кружкой прошел в комнату дочери.

Нечеткое Ленино лицо смотрело на него с грустной усмешкой.

Зазвонил мобильный. Игорь достал телефон из брошенного в комнате тещи пиджака, ответил жене.

— Игорь, — виновато сказала Лиля. — Мне в парикмахерской перенесли время. Я задержусь немного. Ничего?

Она утром что-то говорила насчет парикмахерской. Игорь делал вид, что слушает.

— Ничего, — улыбнулся он. — Я буду тебя ждать. — И спохватился. — Лилечка, может, не стоит сейчас куда-то ходить? Заражаемость пугает.

— Не могу же я ходить обросшая! Ты меня разлюбишь! — Лиля кокетничала. Она знала, как сильно он к ней привязан.

— Нет, правда, Лиля! Не ходи!

— Ну перестань, Игорь! Утром ты не возражал... Я буду в маске, не беспокойся.

Он положил телефон на место, допил чай. Тот успел остыть.

Снова вернулся в комнату дочери. Сел за стол, открыл ноутбук. Лена с портрета смотрела ему в спину.

Раздался звонок, громкий, резкий. Игорь не сразу понял, что звонят не в дверь, а по городскому телефону.

Он не думал, что Лена до сих пор пользуется стационарной связью, ни он, ни Лиля давно никому не давали своего городского номера.